

Александр Токарев

16+

Короткие встречи

Александр Токарев
Короткие встречи

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Токарев А. В.

Короткие встречи / А. В. Токарев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2248-2

В этой книге рассказывается о самом близком для души увлечении – рыбалке. Здесь читатель увидит картины лесной жизни, где на глухом озере живёт себе вековечно семья воронов и ловится со льда желтобрюхая ямная щука. Волга встретит бескрайними просторами и ветрами, пахнущими инеем и дымком костра с островов.

ISBN 978-5-5321-2248-2

© Токарев А. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Короткие встречи	5
На Ошле	5
Сабанаково	7
Три встречи с Озером	9
Оттепель	9
Неопознанный летающий	11
И были шуки желтоглазые...	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Короткие встречи

На Ошле

Малые реки милостивы и скромны. Среди теплых лугов, где стоит сладкий медовый аромат, петляет река-речушка Ошла, местами больше похожая на ручей. На перекатах Ошлы выются длинные водоросли, сплетаясь и вновь бессильно опадая по течению. В омутах кружит черная вода, и желтеют кубышки. Большой частью речка довольно стремительна и неглубока, лишь в редких бокалах-ямах есть настоящая глубина, где вода стоит тяжело и студено, неторопливо поворачиваясь в обрат. Путь Ошлы обозначают кусты ивняка.

Я ловлю здесь на перловку сорожку. Подбросив за кубышки несколько пригоршней пшенной каши с сухарями, я сижу рядом с удочками и наблюдаю за беспокойной жизнью поплавок. Вот один дрогнул, притопился и с наклоном пошел в сторону. Подсечка! Упираясь и разбрызгивая теплую воду, на леске ходит сорожка с ладонь. Затем берет еще одна такая же некрупная, но крепкая в теле серебристая сорога и все стихает. Спустя какое-то время, за которое я успеваю глотнуть холодного чая, кто-то интересуется насадкой второй удочки. На ее крючке насажен навозный червяк – насадка не совсем летняя. Поплавок подпрыгивает и падает набок. Рука тянется подсечь, но рано, надо подождать... Поплавок снова приподнимается и идет в сторону. Пора!.. Поддергиваю кверху удилище, и оно упруго сгибается под живой тяжестью. Вначале кажется, что удилище вообще не поднять, а там, на крючке, тяжело повисла невиданная для этих мест чудо-рыбина – золотое перо... Но вот стронулась рыба и заходила на леске, толчками пригибая удилище. На поверхность смятенной воды всплыл оторванный стебель кувшинки с ярко-желтым бутонем. А затем поднялась кверху и зарыскала яростно действительно чудо-рыбина – сорожина, и действительно невиданная для этих неярких и небогатых по нынешнему времени мест. Эта сорога была, видимо, царицей здесь, а затем на червя и перловку стали поклевывать ее подданные – сорожки-с ладошку и меньше...

За моими действиями лениво наблюдает ястреб-тетеревятник, парящий над маревом лугов в восходящих потоках воздуха, насыщенного густым запахом трав и яркоцветья. Но его скорее интересуют чибисы или речные кулички, а может быть, взгляд суровоглазой птицы направлен в сторону деревни, где кудахчут курицы?..

Ловля сорожки вскоре прискучивает, и я иду проверять жерлицы, которые расставлены прямо с берега. Шесты их закреплены, как и удилища, с помощью рогатины-рогулины и «анти-рогулины». Места для жерлиц выбирал долго, поскольку река довольно быстра. Но некоторые омутки с кувшинками и обратным течением подошли вполне. Шесты жерлиц установил так, чтобы рогульки с леской, намотанной «восьмеркой», висели за травой и живец не смог бы захлестнуться. От «финских» крючков пришлось отказаться, поскольку живец с продетым сквозь жабры поводком в жару не выдержал бы и получаса. Сорожки были подцеплены под спинной плавник маленьким двойничком и подстрахованы одинарным крючком за губу. Для этого оснастка была дополнена коротким вольфрамовым поводочком.

На одной из жерлиц-рогулек леска была смотана и косо уходила под травянистый берег. Осторожно берусь за леску, и тут же следует удар!.. Из-под берега выбрасывается щучка и, алея жабрами, трясет головой, схожей чем-то с утиной. Вот только уж больно богата зубами эта «уточка»... Щучку беру спокойно, за «шиворот». Леска позволяет, тем более рыбина засеклась надежно, что можно было заметить при финальном щучьем «выходе». (Когда она хлопнула пастью, я увидел, что поводок уходит в глотку).

Жерлица, установленная под высоким берегом «бокалды», также размотана. Здесь не было травы, и жерлица-рогулька висела над черной от глубины ямой, где вода кружила, юля водоворотами. Едва я взялся за леску, как она натянулась и резко пошла против течения. Рывок! Из воды выпрыгнула ослепительно серебристая пружина и рухнула в воду... Леска опала и стала до отвращения вялой, без упругой тяжести... Голавль, крупный матерый голавль взял на сорожку, но не засекся, осторожный, а лишь, задавив живца, ушел в холодную глубину бокалды, оставив меня в разбитых чувствах и разочарованиях...

Вечер теплый и я разжигаю костер лишь для того, чтобы посумерничать у тихой воды, послушать пение угольков и треск сушняка. Костер напоминает иногда живое и несколько болтливое существо, особенно, когда бываешь один несколько ночей в лесу. Он, костер, и приемник-пискун – старые товарищи на рыбалке в одиночестве, нередко приятном мне...

– Ирр-ра, ирр-ра! – вдруг неожиданно гулко раздается в осоке, и я даже вздрагиваю. В ответ на громкое представление неведомой «Иры» раскатывается еще более громовое кваканье по всему плесу. Словно по команде грянул лягушачий хор, и заводилой была именно «Ира». Так я ее окрестил, потому что голос ее непременно выделялся, был внятен и громогласен среди лягушачьего плесба...

– Ира! – время от времени звал я ее, и царевна-лягушка с готовностью отзывалась. Так было всю теплую летнюю ночь, когда не спалось, и в палатке было душно, несмотря на то, что верх был поднят и белел лишь сетчатый полотно.

Не успела отгореть вечерняя заря, как занялась утренняя. На новый день у меня запланирован эксперимент. Готовлю «телескоп» без поплавка. В банке сухо толкутся кузнечики. Тихо иду вдоль спящей реки, нахожу «окошко» среди травы и, не дыша, опускаю крючок с кузнечиком на короткой леске, подмотанной на катушку «телескопа». Кузнечик с легким всплеском падает на воду, пуская круги, и вновь прыгает на поверхности, повинаясь движениям удилища. Еще всплеск и еще, а затем вдруг – удар!.. На леске рвется из стороны в сторону голавлище! Откуда он вывернулся?!.. Пытаюсь погасить его рывки и готовлю подсак, впервые за сутки. Есть! Запеленал серебристого!..

На берегу любуюсь красивой лобастой рыбиной, в чешуе которой уже алеет заря-огневица... Ай да Ошла, ай да ручеек, где, оказывается, живет себе голавль красноперый с желтыми пронзительными глазами...

Сабанаково

Как мне говорили, Большая Кокшага на пятнадцать километров вверх и вниз от Старожильска выбита «электроудочниками», недоносками, которые живут сейчас так, как будто завтра уже свершатся пророчества Апокалипсиса...

Подобные предупреждения, конечно, – не в путь, но меня все равно тянет в места, где пацаном белобрысым встречал с отцом рыбацкие зори. А рыба?.. Да пусть ершик попадется, сорожка с палец – и ладно.

Остановились мы с сыном Иваном на бывшем лесоучастке Сабанаково, от которого сейчас остались лишь какие-то дощатые и бревенчатые остовы то ли домов, то ли сараев. Кокшага в этих местах неширока, но красива среднерусской неяркой красотой. Пологие песчаные косы с ивняком перемежаются высокими обрывами, пронизанными корнями дубов. Под обрывами лежат топляки, и ходит кругом черная вода. Кое-где торчат из-под воды острые сучья-руки мореного дуба. По берегам гудит вековечно сосновый бор, ели стоят угрюмо, дубы роняют желуди в красно-коричневую «суровую» воду, трепещут на ветру осинки, прячутся в кустах стыдливо юные березки. Кружат тетеревятники над крутоярами, и сидит на сухостоине мрачный ворон-черное перо.

Мы с Иваном накачиваем двухместную «резинку» и выплываем к противоположному берегу, где торчит из воды крепкая двойная коряжина. Как раз приткнуться-привязаться к ней, вместо того, чтобы якориться ненадежно на гладком песчаном дне. Напротив коряжины видно устье то ли ручья, то ли речушки. Это плюс. Не стандартное место: с притоком и бурылями на встрече струй ручья и реки.

Готовлю «кольцовку». Кормушка в отличие от многокилограммовой волжской ведёрной кормушки гораздо легче, сделана из фильтра какого-то механического овра. Имеет доннышко свинцовое и крышку. Кольцо тоже на порядок легче волжского. Короче и подлесок с поводками, не длиннее полутора метров. Насадка у нас без особых изысков: опарыш, перловка и манная каша вкрутую, размятая с растительным маслом и анисом.

Кольцо с подлеском уходит в стремительные струи Кокшаги, и мы с сыном заворожено смотрим на сторожок «кольцовки» с колокольчиком. Он, как и ожидалось, молчит и лишь подрагивает от набегающих струй. Словно загипнотизированные, смотрим на неподвижный сторожок минут двадцать пять. Затем, очнувшись, начинаю налаживать снасть сыну, успокаивая себя попутно: «Знал ведь, говорили люди, нет здесь рыбы. Да и прошло то времени всего ничего...». Мелькают эти мысли в голове, вроде бы и ждал бесклевья, а как-то тоскливо-безнадежно делается где-то под сердцем.

Путаюсь в спешке со снастью и тут краем глаза вижу, как пружина с красным пластмассовым шариком и колокольчиком мягко сгибается, а затем, выпрямившись, начинает биться резко и нервно. Бросаю леску Ванюшкиной снасти и подсекаю! По руке передается удар и сразу – слабина... Поднимаю со дна кольцо и вижу, что на подлеске нет поводка... Крепкая леска порвалась, даже не пискнув. Вот тебе и ершики и сорожки с палец. Ставлю на «кольцовку» леску 0,4 мм в качестве основной, а поводки подвязываю из лески сечением 0,3 мм.

Спустя какое-то время одновременно согнулись сторожки на моей и Ванькиной «кольцовках». Зазвенели колокольчики, суматошно и громко. Так же одновременно подсекаем и выводим с сыном по язю за килограмм!.. Только вот мне пришлось брать рыбину рукой и переваливать через борт, так как Иван перехватил подсак с юной ловкостью и реакцией. С почином!.. Сидели в лодке до позднего вечера, пока нас совсем не скрючило в резиновой «Омеге». Бешеного клева, конечно, не было, середина лета как-никак, но сын поймал леща килограмма на полтора, а я – еще пару подъязков. Затем с сумерками заклевали упомянутые уже ерши,

на которых вначале только и надеялись... Но в довесок к язам и лещу колючие недомерки – тоже рыба. А впереди еще раннее утро. Кормушки оставили на дне. Может быть, за ночь рыба привыкнет стоять в струе пахучего корма. Стоит поутру поднять буйки, привязаться к коряге и... Как всегда, не спится в нетерпении, перед глазами трепещет сторожок с колокольчиком, прыгают солнечные зайчики и бегут речные волны...

Три встречи с Озером

Оттепель

Лесные озера своенравны, имеют характер сродни человеческому, но больше похожи по зиме на угрюмого лешака-бирюка. Особенно это сходство проявляется в серые короткие дни падающего снега и тоскливых метелей. Лишь ненадолго просветлеет небо, а совсем уже близко – тяжелые сумерки с вековечно монотонным гудением соснового бора. Но случается, как и мрачный человек – себе на уме – улыбнется вдруг Озеро, засветится чистыми красками, и этот серый тоскливый мир вдруг делается цветным и свежим, пахнущим живицей, хвоей и сырыми багульниками. Свалится за горизонт тучевая пелена-рвань, придет прозрачное утро со звонким морозцем и пылающей на востоке зарей. Выглянет из-за сосняка алый краешек, и вспыхнет над ним изумрудная акварель высокого бездонья... День начнется яркий и тихий, с греющим уже светилом и первым шорохом тающего снега.

Обычно мы приходим к Озеру в марте. Тогда случается, что кроме черных окунишек-конголезцев, можно поймать на жерлицы одну, две, десять щук, в зависимости от настроения местного Хозяина-Чертяки, или от каких других причин... Но среди февраля вдруг наступила неожиданная и ясная оттепель, словно очень ранняя-ранняя весна. И мы с сынишкой Димкой не выдержали. Захотели повидаться с Озером. А рыба?.. Рыбы можно будет потом и на Волге-водохранилище наловить, успеется, – решили мы и в нетерпении заспешили к озерной тишине и нашей старой землянке, вырытой среди молчаливого соснового бора, на песчаном бугре у Озера.

Снег на льду был по-зимнему нетронуту свеж и сух. Идти по нему на лыжах было бы одно удовольствие, но местами под снег выступала коричневая вода, словно кофе с молоком, и тогда лыжи приходилось чистить от наледи. Не помогала и мазь.

В заливе у речки нет ни одного человеческого следа и лунок. Кругом снежная целина, лишь расчерченная заячьими и лисьими следами. Эта нетронутость и тишина и манит нас сюда, пусть, случается, и скудна добыча.

– Ну, Димка, попьем чайку и рыбачить? – оглядываюсь на сынишку.

– А ты блинчики мамины взял? – кричит Димка, сбрасывая с плеч рюкзак.

– Блинчики-блинчики... Я тоже сам котлет навертел, специально для тебя, палыцы отъешь. Будешь?..

– Буду, но сначала блинчи, – упрямо сопит сын и оттирает пот с покрасневшего лица. Устал, но крепится, не подает вида. В зимней одежде он похож на смешного крепыша-медвежонка.

Наскоро завтракаем и бурим первые лунки. Вот и юркнула в темную торфяную воду маленькая мормышка, горящая начищенной латуной. Едва кивок прогнулся под ее тяжестью, как тут же затрепетал мелко-мелко. Подсечка!.. И сразу же из лунки вылетает ошестинившийся черномазый окуnek и, снятый с крючка, начинает настойчиво-зло биться в глубоком следе, наполняющемся водой. Димка рядом тоже тянет кого-то. Но у него окуnek уже больше ладони. И сын в восторге поднимает удильник с окунем.

– Пап, ты видишь какой?! Твоего больше немного. Видишь?

– Давай-давай, лови, – вроде бы ворчу, но мне радостно вместе с сыном от его наивного, искреннего и азартного восторга.

Окуньки клевали беспрерывно, большей частью некрупные, но попадались и в полторы ладони. Один раз после подсечки я ощутил неожиданную тяжесть, несоразмерную со снастью.

Не дыша, я водил, томил рыбину, гулявшую на леске-паутинке подо льдом. Но, казалось бы, крепкая леска не выдержала. Тонко звякнув, зацепившись за край лунки, она обвисла и стала противно податлива. А я сидел и, все еще не веря, смотрел в черную воду. Сын сочувственно наблюдал со стороны, но молчал и еще старательнее тряс мормышкой.

В феврале мы здесь еще никогда не ловили щук, и поэтому жерлицы выставлю, скорее, по привычке, чтобы уж весь арсенал снастей использовать, ну и для проверки-эксперимента. Выставив десяток треног с витыми пружинками-флажками, возвращаюсь к сыну, азартно таскающему окунишек. Но едва сел на стульчик, как словно пружиной подбросило!.. Глазам не верится... Сразу три флажка поднялись над треногами-жерлицами и затрепетали на ветерке, гордо и торжественно. Бросаюсь к жерлице, где вовсю со свистом раскручивается катушка. Есть!.. Рука после подсечки ощущает упористую тяжесть. Рыба ходит на леске сильно и резко, что всегда отличало хищника этого озера. Выбрасываю на лед щучку за килограмм и сразу же бросаюсь ко второй жерлице. Там лески на катушке уже нет, ее сбросило-раскрутило до конца, пока я возился с первой щукой. Только видно, как елозит в снегу тренога, переваливаясь с бока на бок. «Сидит», – мелькает самоуверенное и – вслух:

– Димка, еще одна!.. Сейчас возьму! – кричу сыну.

И тот уже вовсю несется ко мне в щелейфах снега, смешно закидывая неуклюжие в валенках и химчулках ноги. Но, как говорят, ангелы слышат мысли, а бесы слова, – после подсечки на леске вроде бы что-то хрустнуло, и она пошла из лунки уже свободно... В досаде бросив эту жерлицу, бегу к последней, третьей. Там щука сидела надежно, самозасеком. Потом пришлось долго доставать тройник.

Этот удивительный жор длился два дня, что мы пробыли на озере, а потом, приехав через неделю, мы застали Озеро снова уже спящим и унылым, в мглистом свете кружащихся снегов и воющих по подлому метелей. Лишь кружил над белым пустым озером одинокий ворон, теребили редко-редко окуньки с палец, а флажки жерлиц были угрюмо неподвижны все два дня, проведенных нами на Озере...

Неопознанный летающий

Который уже раз зарекались мы не ездить на Лужьер, поскучевший и пустой по нынешнему времени. Видимо, и сюда добрались нелюди с электроудочками: перестала ловиться щука на спиннинг и жерлицы, не стало окуней за два килограмма, да хоть и на полкило-кило. Совсем недавно еще в июльско-августовский жор садились они надежно на двойники жерлиц-рогулек. Хватали своих же собратьев-окунишек, распуская леску с рогулек до полной тугой натяжки. Сейчас хозяевами озера стали окунишки с ладонь, редко крупнее. Их, видимо, повибивать труднее. Слишком много их, недомерков, таится под берегами и на песчаных отмелях посреди озера, в камышах. В одно недавнее лето нам попались на озере несколько странных окунишек. Вид их совпадал с представлениями о мутантах: громадная голова с выпученными глазами и высохшее плоское тело. Наверное, это были рыбки, выжившие после удара током...

Но вот приезжаем мы сюда и все тут. Может быть, по старой памяти, когда озеро щедро отдаривалось рыбой, ягодами и грибами. А может быть, – просто переночевать в землянке в печном тепле, в бликах огня на сосновых бревнах стен и мерцании свечи у окна, посреди соснового бора. Та же водка вкуснее здесь и теплей. Мягко кружит голову и горячит кровь. А потом, с устатку, спится здесь на сухом папоротнике, словно на царской перине в золоченом дворце. Нет, лучше несравненно!..

Приехали и в этот раз. Грешны, выпили чуть-чуть за «приехали» перед лесной дорогой. Обычно этого не делаем в пути. А тут соскучились что ли по сосновому духу и тишине снежной... После гудения ветра на волжских раздольях здесь, словно в храме, – свято и чисто. Выпили, похрустели лучком с салом и – в дорогу. Пока резали лыжню в нетронutom снегу, день из серого стал ярким. Вышли на лед и опять немного перекусили – за Озеро... У старого камыша, впаянного в лед, перекусили еще раз – за боевые места, поскольку именно здесь, окрест этого самого камыша, и были пойманы в свое время самые крупные щуки и окуни.

Старый ворон, видимо, все тот же, которого я постоянно встречаю здесь (живут ведь долго), покосился на нас, взглянул более внимательно, делая для себя какие-то выводы. Затем взмахнул черными крыльями и мягко приземлился у наших рюкзаков, где была разложена закуска. Наклонив седую мудрую башку, ворон блеснул лукаво глазом и взял клювом полбуханки хлеба, внимательно оценивая нашу реакцию. Мы молчали и не шевелились, дожевывая закуску.

– Забирай, бродяга, не жалко, – проворчал Пашка, обращаясь к ворону. Тот расшаркался и мягко поднялся в воздух. На сосне его ждала подруга.

Вскоре над озером кружили два ворона, и падало с прозрачного неба далеко слышное: «крон-крон», словно льдинки-стекляшки перекачивались в поднебесье.

Мы попили чаю и сели ловить живцов. Черные окунишки поклевывали весело и часто, нахально сдирая мотыля. Наловив десятка два, мы расставляем жерлицы, заранее зная, что толку не будет. Скорее по привычке выставляем снасти...

Но когда перевалило далеко за полдень, поднялся флажок жерлицы. Самострел?! Не должно быть, поскольку вокруг полное безветрие. Окунек сбил, наверное, – решаем, но бежим к жерлице, не шутя. Есть! После подсечки выдергиваем из лунки щучку килограмма на полтора. Может быть, последняя на озере?.. Но мы ее взяли в честном соревновании... Одновременно с радостью от поимки рыбы приходит тяжелая тоска и душит злость на недоумков, которые одним днем живут и даже своим детям ничего не оставят, выбивая током все живое в местах, где сами и родились...

На закате собираемся к землянке: надо еще дров заготовить, прогреть жилье и сварить чего-нибудь горячего. Пока вырубали во льду бассейн-кан для живцов и сматывали удочки,

солнце ушло за край леса. Но, о чудо!.. Вот оно опять поднялось там же, где и село... Поднялось довольно быстро, затем, сделав зигзаг, ушло влево-вправо, вверх-вниз. Словом, движения были хаотичными. Форма непонятного объекта – круглая, а сам он по размеру и цвету не отличался от зашедшего солнца. Не было только вокруг венца-ореола. Все движения происходили беззвучно и нереально быстро.

Читатель, наверное, скажет: «Меньше надо пить!» Но к вечеру мы с Пашкой были уже свежи, как огурцы, да и видели происходящий шабаш НЛО одновременно. Чтобы белая горячка да в один момент сразу обоих приласкала?..

В общем, объяснений тому, что мы видели, конечно же, нет, как, впрочем, нет объяснений и от серьезных уважаемых исследователей НЛО в научных кругах российских...

Ночью не спалось. Все никак не могли взять в толк: что же это было на закате?.. К тому же, печка-буржуйка раскалилась докрасна, протопленная сухим смолем. Приходилось время от времени открывать дверь, иначе трескали волосы от парной жары-духоты. В проем открытой двери строго глядело черное звездное небо, в котором, как мы убедились, творилось временами неведь что...

Встаем еще затемно. Растопив печку до гудения, кипятим прямо в ней чай в солдатском котелке, заправляем термоса и – на лед. Хватка накануне внушала надежду на утренний выход щуки. Но чудес не бывает в мире, где человек не в ладу с живой Природой. Подъемы случались, но, скорее всего, брали окуньки-недомерки, лишь ударяя по живцу. Щук, знаменитых озерных щук цвета старинного золота, красноперых, словно голавли, не было... Они остались лишь на фотографиях да в памяти. Отболеет ли, восстановится Озеро, оставленное наконец в покое? Чтобы не стреляли, не кололи щуку острогой на разлившейся речушке, не били током... Ему бы, Озеру, отдохнуть одну-две весны, отнереститься рыбе в тишине. И вновь бы со временем на утренних зорях, нет-нет, да и ударил бы в кувшинках щучий хвост, а по весеннему льду заалели бы флажки жерлиц, развеваясь на теплом ветерке...

И были щуки желтоглазые...

Второй день я гостил у родителей. Вот уже у меня своя семья и дети скоро догонят в росте, а для матери я так и остался ребенком-несмышленищем. Когда я, уставший от маминых пирогов, опеки родительской, папиных тостов и звонких «чоканий», вдруг выглянул в окошко и увидел прозрачное небо в розовой дымке, инистые верхушки елей в близком лесу, то сладкая тоска вдруг поманила в туманное Зазеркалье-заозерье... Сходил в подвал, где стояла сорокалитровая фляга из под молока. В ней жили караси. Их мы поймали еще осенью в маленьком прудике неподалеку от дома отца, в поселке. Карасиков-карликов мы попросту доставали в пучках травы и тины сетчатым черпаком для мойки мотыля. Потом на берегу разбирали перепутанные водоросли и ядовито-зеленые мотки тины, где, нет-нет, да и блеснет плотненький бочок белого карася-крепыша. Карасики жили неторопливой своей жизнью до самого первого льда, а потом служили живцами для шустрой по-осеннему щуки. Да так и прожили больше половины зимы. В начале зимнего сезона нередко трудней поймать живцов для жерлиц, чем саму щуку. Та же история случается иногда и весной. Видимо, пьяная от морозистого трещащего подледья, пост-осеннего жора, азарта и обилия квельх рыбешек, с «зевотой» залегающих в зимовальные ямы, она, щука-огненноглазая, выбивала или загоняла в преющую траву всю «бель», юрких окуньков и даже выбивала сопливых ершей-колючек, обнаглевших от безнаказанности... Ближе к весне мелкие рыбешки, очевидно, начинали перемещаться к устьям рек и ручьев, к свежей воде и меняли свои постоянные места. И опять живца поймать иногда было труднее, чем саму щуку. Караси были очень кстати. Удивившись, наверное, поначалу, щука все же не могла удержаться от веселой злости хищника и бросалась на маленьких серебряных прищельцев, юрко шныряющих на тройниках и двойниках жерлиц. Но каждый раз сталкивался я со странным законом-заморочкой: рыбки, прожившие дома хоть с неделю, пусть и в закрытой бадье, потом насаживались на крючок с какой-то тоской и виноватостью, словно предавал я друга – кошку или собаку. Однажды я взял с собой в довесок к карасикам юркого व्यюна, довольно долго жившего у меня в банке из под огурцов-закуски. Выюн служил мне барометром. Перед сменой погоды он начинал колесом крутиться в банке, и его предсказания были всегда точны, по крайней мере, – точнее прогнозов гидрометцентра... И вот, привезя его, व्यюна, на первый лед, я так и не решился насадить предсказателя погоды и, кажется, друга на крючок жерлицы. Вспомнил, что эта тварь хладнокровная на полном серьезе уже начала узнавать меня... Временами, мне казалось, что व्यюн ластится ко мне и пытается заигрывать, выделявая в стеклянной банке совсем уж немыслимые кульбиты... Не выдержав угрызений совести и плюнув на страшнейшую нехватку живцов, я отпустил व्यюна с миром... Что-то подобное было, когда я однажды вдруг увидел на руках у мрачной баушки-Бабы-Яги печального белого кролика, продаваемого то ли в развод, то ли на мясо... Сердце словно сжало... Но немного погодя, на охоте, добывал раненого русака, не минуты не сомневаясь в правильности своих действий и не испытывая никакой жалости. Были только горячий азарт первобытного охотника-добытчика и ярость борьбы с хитрым и сильным зверем, пусть и зайцем... Этот банальный закон тем не менее действует.

И вот теперь, в гостях у мамы, потолстевший за два дня от пирогов и уставший от безделья, я принял решение – на рыбалку!.. Позвонил в город старому товарищу:

– Андрей, чем занят?

– А-а, диван даваю да подушку, тоска... Еще удавил бы всех этих стилистов полубаб гламурных в компании с попсовыми нашими звездами!.. Телек, наверное, сегодня же в окошко бы выкинул, да жена потом загрызет. Все свой дом-два смотрит, лучше пожрать бы сготовила!..

– Приезжай, бродяга, на озеро. Только захвати с собой что-нибудь, тут в сельмаге только пиво, а в шинках вискарь самопальный на чаю да техническом спирте.

– Саня, я пулей!..

– Буду ждать.

К озеру подошел уже на закате. На дальней противоположной стороне муравьями виднелись скучившиеся рыболовы. «Не один...». Досада бирюка-одиночки нахлынула, но тут же ушла. «Озеро большое, всем места хватит». Пока добирался до уловистых своих мест – зарослей сухого камыша – солнце скатилось еще ниже, а рыбаки потянулись цепочкой к тропинке, домой, видимо. «Вот и ладно, можно будет и отдохнуть в безлюдье».

Сел за камышами у пробуренной торопливо лунки. Соскучился по рыбалке... Тук! – сразу же ударило по кивку. Из лунки с плеском вылетел ошестинившийся окуnek-горбунок и заплескался на льду, едва подернутом свежим снежком и сахаристым инеем. Тук-тук! – задрбило часто и весело. Сразу два окунька сели на желтую мормышку-глазок и крючок, подвязанный выше. Взявший на мормышку был крупнее и светлее верхнего. Он согнулся на льду в изумленном напряжении, затем, опомнившись, сильно извернулся и сухо зашлепал алым хвостом по инистой крошке, брызжащей закатным солнцем. В пронзительных выпуклых глазах рыбы остановилось небо.

Надергав десятка два окунишек, я пошел ставить жерлицы. А тут и точка живая зачернела в дальнем конце озера. Товарищ спешил ко мне, и от этого потеплело на душе. Андрей быстро приближался, и еще издали уже начал бармить и ворчать:

– Подожди меня, всю рыбу выловишь, хапуга!..

– Оставлю пару хвостов тебе для отчета. А то жена опять предъявит гамбургский счет по поводу левых походов к теплой лунке...

– Сало свое фирменное наредай, водка киснет и в животе Витас воет !..

– Иди-иди...

Приняли по огненной сотке, захрустели вдогонку лучком и моим самодельным шпиком, остро пахнущим чесноком и густо обваленным в красном перце-чили.

Только решили, что «между первой и второй...», как ближняя жерлица, поставленная самой первой, дернулась в отдаче от вскида флажка и зашелестела быстро раскручиваемой катушкой.

– Самострел?.. – не верится мне, ведь только поставил, да и время уже позднее для щучьего выхода. Нет, грузило уже давно достигло дна, и катушка должна была остановиться. Но леска на наших глазах быстро уходила в лунку.

Тихо-тихо мы крадемся к жерлице. Озеро неглубокое. Не спугнуть бы...

Берусь за леску, и сразу следует сильный ответный рывок. Рука машинально делает подсечку. Есть! Рвется на леске несогласная и упрямая тяжесть. Рвется и душа из груди, отовсюду, где только держатся эти пресловутые граммы неведомой сущности-субстанции, называемой душой человеческой, взвешенной уже пронырливыми яйцеголовыми... И вот уже на льду разгибается яростно и вновь становится тугим кольцом желтобрюхая, свирепоглазая щучица с алыми, как у сороги, плавниками!.. Не может быть!.. – где-то вроде бы не верится, а в подтверждение реальности бьется на льду необыкновенное чудо, а для кого-то просто – рыба, годная в пищу...

Не успев опомниться от удачи, я замираю уже от ужаса... Мне кажется, что Андрей стал многолик и многорук, как Шива... Еще мне показалось, что рядом завизжал бензобур. Андрей был везде. Он появлялся неожиданно, кажется, со всех сторон, и лед уже напоминал теперь поле брани, густо пробитое картечью, или невиданный по размерам дуршлаг в дырках-лунках... Но... щука уже не брала. Пришла ночь. Пора на ночлег.

Зайдя в темную землянку, я в первую очередь пытаюсь нащупать печку. Лишь бы она была на месте, тогда будет и тепло и уютно в жилище, когда-то построенном мною и отцом.

Рука задевает что-то металлическое. Вроде на месте. Набрав дров почти на ощупь, зажигаем в землянке свечу и обнаруживаем... что печки нет. В нынешнее время, когда человеческие законы, кажется, начинают устаревать, это не было чем-то необычным. Но нам от этого не легче. Тем более, что мороз крепчал до треска в мерзлом лесу.

Пришлось сооружать небольшой костерок на металлическом щите, и топить землянку по-черному... Но было дымно и чуть теплее, чем на улице. Согревшись изнутри и завернувшись, кто во что, пытаемся задремать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.